

«ПРИСЛУШАЙТЕСЬ ВСЕ: ЭТО ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНО...»

В январе 1963 года исполняется сто лет со дня рождения великого русского режиссера и актера К. С. Станиславского. Издательство «Искусство» выпускает к этой дате сборник «Станиславский. Писатели, артисты, режиссеры о великом деятеле русского театра». Сегодня мы публикуем отрывок из воспоминаний народного артиста РСФСР Бориса Яковлевича Петкера, входящих в этот сборник.

НА ТЕХ немногих репетициях Константина Сергеевича, которые мне удалось наблюдать, меня сразу же, как новичка, поразило не только богатство его ума, фантазии, мастерства, не только громадный его талант режиссера, но и — может быть, это даже прежде всего бросилось мне в глаза — его умение охватывать своей работой всех окружающих, всех заражать ею. Делал он это не то что непринужденно, а совершенно сознательно, нарочно, будоража каждого, даже нас, просто наблюдавших за репетициями.

«Прислушайтесь все...» — нередко увлеченный чем-то, обращался он к нам, и возникал большой разговор о путях и задачах творчества, в котором не могли не участвовать все присутствующие.

Вот, например, идет репетиция сцены свидания двух любящих друг друга героев пьесы. Вдруг ее прерывают знакомые слова: «Прислушайтесь все, это чрезвычайно важно».

— Можете ли вы сценически определить любовь? — говорит Константин Сергеевич. — Вздохи, взгляды — все это только изображение любви, но не само чувство. Нам нужно найти действенное выражение любви, а оно заключается прежде всего в желании сделать приятное любимому человеку. Надо внимательно следить за каждым словом, за каждым жестом любимой и исполнять даже еле заметные, незначительные ее желания. Так, если она хочет пить, он должен найти удобный момент, чтобы принести ей стакан воды, если ей холодно, нужно закутать ее в шаль. В каждом чувстве мы должны искать его действительную сторону.

Однажды на сцене в декорациях репетировали один из актов «Галантов и поклонников». Репетиция затянулась, и было уже около пяти часов, когда Константин Сергеевич отпустил исполнителей. Мы — «зрители» — тоже поднялись было уходить, как вдруг нас остановил голос Константина Сергеевича: «А ну-ка, пойдите, поживите на сцене, обживите комнату».

Удивленные, мы поднялись на сцену и нерешительно стали располагаться на ней — кто-то сел на диван, кто-то подошел к окну... Нашей задачей было вести себя на сцене как можно естественнее — удобно, уютно устроиться среди окружающих предметов. Константин Сергеевич внимательно следил за нами, что-то подсказывал, вызывая в нас ответное стремление к новым находкам, к поискам большей выразительности.

Представьте себе — это после напряженнейшей-то репетиции, к концу дня!

Как мы сейчас бываем чересчур бережливы сами к себе! Как часто необходимость задержаться в театре лишние полчаса вызывает рез-

кое недовольство, а то и протест! Не равнодушные ли это?

А вот больной, усталый Станиславский находил время, чтобы задержаться — и для такого, казалось бы, пустяка, как предложить актерам, не имеющим никакого отношения к выпускаемому спектаклю, пожить в новых декорациях. Все это шло от беспрдельной любви Станиславского к театру, в котором для него никогда не было дел незначительных, необязательных.

ДО ВСТУПЛЕНИЯ в Художественный театр я повидал немало крупных и интересных режиссеров — я работал с Н. Н. Синельниковым, А. П. Петровским, К. А. Марджановым. До глубины души трогало отношение Н. Н. Синельникова к актеру — чуткое, бережное; захватывал неуверенный темперамент, жизнелюбие К. А. Марджанова. Но каждый из режиссеров, с которыми мне приходилось ранее встречаться, был обыкновенно целиком поглощен задачами, непосредственно касавшимися выпуска того или иного спектакля.

Для Станиславского же было далеко не достаточным только помочь актерам правильно, глубоко, интересно воплотить на сцене произведение. На репетициях он никому не давал покоя, постоянно возвращая актеров от непосредственных задач данной роли к вопросам о характере, законах актерского творчества вообще, учил, воспитывал, заставлял думать. Да и не только на репетициях. Каждое свое появление в театре он стремился использовать, чтобы кому-то в чем-то помочь, подсказать новое, отвергнуть все ненужное, мешающее работе артиста, театра. За режиссерским столиком, за кулисами, в частной беседе и на общих собраниях он оставался всегда педагогом, воспитателем, пытливым исследователем.

Народный артист РСФСР Иван Михайлович Кудрявцев рассказал мне об одном разговоре с Константином Сергеевичем, происшедшем как будто бы случайно, но в высшей степени характерном для Станиславского.

Шел спектакль «Дни Турбиных». Кудрявцев, игравший Николку, стоял на выходе. Вдруг сзади к нему подошел Константин Сергеевич.

— Волнуетесь? — спросил он.

— Очень, — откровенно признался Кудрявцев.

— Значит, вы недостаточно серьезны. Вы сейчас идите, делайте свое дело, а после спектакля мы обязательно поговорим.

И действительно, он позвал потом к себе Кудрявцева.

— Откуда появляется такое волнение? — говорил Станиславский. — Оно ничего общего не имеет с действительно творческим состоянием, а идет исключительно от самости, от того, что думаете вы в этот момент только о себе, о том впечатлении, которое вы произведете на публику. Между тем, если бы вы были по-настоящему серьезны и сосредоточены в этот момент на том, что вам предстоит делать на сцене, на действенных задачах роли, такое волнение не примешалось бы.

Представьте себе такой случай. Женщина с ребенком подошла к клетке льва. Случайно, по небрежности работников зоопарка, клетка оказалась незапертой, и ребенок вошел в нее. Что бы сделала мать, как бы она повела себя?

— Она бросилась бы в клетку...

— Да, верно. Она успела бы выбросить ребенка из клетки, но сама, может быть, жестоко поплатилась бы за свою смелость. Волновалась бы она при этом? Конечно, волновалась бы, но не за себя, а за судьбу своего ребенка. Бояться за

себя у нее просто не было бы времени. Она вся сосредоточилась бы на одной задаче — спасти ребенка.

— И у нас тоже, — закончил свою мысль Константин Сергеевич, — если вы живете только делом, постоянно волнение не примешается.

Интересно, что к этой теме Станиславский возвращался потом не раз...

ПОИСКИ предельного совершенствования актерской техники, актерских возможностей никогда не оставляли Константина Сергеевича, но достижения этого он требовал прежде всего от самих актеров.

— Тренинг, тренинг необходим, — постоянно повторял он всем свое любимое слово.

Все мы сейчас как будто бы признаем необходимость технического совершенствования актера. Однако как часто на практике мы преступно пренебрегаем этим и как порой бывает неприятно видеть отсутствие легкости в движениях актера там, где это нужно, невыразительность жестов, нечеткость дикции, видеть, что актер не владеет еще как следует ни своим голосом, ни телом, не может свободно управлять своими движениями.

— Пианист, скрипач, балерина, — часто говорил нам Станиславский, —

Б. ПЕТКЕР,
народный артист РСФСР

считают совершенно обязательным для себя изо дня в день проигрывать одни и те же гаммы, проделывать определенные упражнения. Почему же только среди нас, актеров, существует еще небрежное отношение к самим себе, к своей работе? Почему же многие до сих пор не могут понять, что нам тоже, как воздух, необходима постоянная тренировка тела, голоса, дыхания...

В «Мольере» Булгакова я, в очередь с Яншиным, должен был исполнять роль Бутона. Выпала на мою долю одна репетиция у Константина Сергеевича — сцена в уборной у Мольера.

Начал я говорить текст, и, как обычно, пошел в ход руки. Неожиданно Константин Сергеевич прерывает.

— Эта сцена, я бы сказал, главная. Ни одного движения, только изучайте друг друга глазами. Руки — услужливые дураки.

Повторяем сначала. Опять руки мне мешают. Константин Сергеевич поднимается:

— Вот, посмотрите. Он начал показывать, как нужно проводить эту сцену.

Вдруг я замечаю, что у него тоже пошла рука. Неожиданно для самого себя (в присутствии Станиславского я всегда чувствовал себя робко) я сказал ему об этом.

— Да, да, — спохватился он и задумался. Потом говорит: — Видите, как трудно. Всем нам трудно. Тренинг, тренинг необходим. Надо выработать себя так, чтобы суметь каждое свое движение подчинить воле, быть в состоянии выполнить любую самую сложную техническую задачу.

Помню, на репетициях того же «Мольера» Станиславский однажды показывал актерам, как ходили французы времен Мольера. Тут же, у нас на глазах, симпровизировал он эту сцену. Простая палка в его руках как бы обратилась в тонкий жезл. Он величественно держал его в правой руке, на довольно большом расстоянии от себя. Константин Сергеевич сделал несколько больших и в то же время необычайно плавных, неторопливых шагов и затем остановился, перенес «жезл» в левую руку, а правой начал снимать воображаемую шляпу. И так необыкновенно выразительны были его движения, что в его руке действительно ощущалась большая мягкая шляпа с огромными перьями. Он сделал низкий поклон, провел «шля-

пой» чуть ли не по полу, затем выпрямился. Надел шляпу, перенес «жезл» обратно в правую руку и той же величественной поступью продолжил шествие. Как легко и грациозно, торжественно и в то же время просто, с удивительной достоверностью проделывал он эти движения!

Фантазия Константина Сергеевича — часто неожиданная, всегда очень яркая — была действительно безудержной, неиссякаемой. Ее убедительность была такой сильной, что порой стирались грани действительного и вымышленного...

О ГРОМНОЕ внимание уделял Константин Сергеевич чистоте и выразительности речи, четкости дикции. Известно, что сам он до последних дней не переставал следить за своим голосом; развивал дыхание, каждое утро продолжал проделывать музыкальные упражнения, хотя в это время уже голос ему и не так-то был нужен — на сцене он не выступал.

И вот как-то на репетиции, на которой я присутствовал в качестве «зрителя», зашла речь сначала о созвучьях, о труднопроизносимых сочетаниях слов, а потом и о дикции.

— Прислушайтесь все, — тихонько постукивая пальцем по столу, призвал к вниманию Константин Сер-

геевич. Он произнес какую-то сложную скороговорку, несколько раз быстро повторил ее, внимательно наблюдая за нашей реакцией.

— Ну, а теперь попробуйте вы, — и по очереди попросил каждого из нас повторить скороговорку.

— Вот так ежедневно, — сказал он, доказав нам несовершенство нашей дикции, — повторяйте, разучивайте такие скороговорки. Речь, дикция у актера должны быть безукоризненными...

З АМЕЧАТЕЛЬНО, что если Константина Сергеевича что-нибудь занимало, то ни одно событие, случай или встреча, так или иначе отвечавшие кругу интересующих его вопросов, никогда не оставались им незамеченными, тотчас приковывали к себе его внимание. Е. С. Телешева рассказывает, что, как-то придя домой, Константин Сергеевич застал внучку с друзьями, нарядившихся в платья взрослых. Один карапуз, надвинув на лоб мужскую шляпу, вооружившись палкой и выпятив грудь, изображал походку степенного мужчины. Увидев это, Константин Сергеевич воскликнул: «Да, штампы родились раньше нас!»

Его творческая одержимость была беспредельна.